

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сфере защиты прав и законных интересов личности»

28 апреля 2017 г. в Поволжском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сфере защиты прав и законных интересов личности». Организатором конференции выступил профессорско-преподавательский состав кафедры уголовного права и процесса института при информационной поддержке журнала «Правовая культура». В работе конференции приняли участие преподаватели Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Академии управления МВД России, Горно-Алтайского государственного университета, Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, Московского университета им. С. Ю. Витте, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратовской государственной юридической академии, Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова и других учебных заведений, а также практические работники.

В приветственном слове кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) **Н. М. Перетягко** акцентировала внимание на актуальности темы конференции. Она отметила, что совершенствование законодательства в сфере обеспечения прав и законных интересов личности — необходимое условие укрепления законности, правопорядка, дальнейшего правового развития общества. Особого внимания требуют нормы, регулирующие ограничение прав и свобод на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, т. к. они применяются в отношении лиц, виновность которых еще не установлена в предусмотренном законом порядке. Теоретические и практические рекомендации, озвученные участниками конференции, будут способствовать дальнейшему совершенствованию законодательства в исследуемой сфере, повышению эффективности деятельности сотрудников правоохранительной системы в сфере защиты прав, свобод и интересов человека и гражданина.

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии **М. А. Баранова** затронула проблему обеспечения прав участников уголовного процесса при применении видео-конференц-связи. Прогрессирующая информатизация нашей

жизни может и должна быть использована для обеспечения высококвалифицированного электронного взаимодействия органов государственной власти, формирования единого информационного пространства в целях оптимизации их деятельности. В данном ключе предусмотренное ст. 240 и 241 УПК РФ положение о возможности использования видео-конференц-связи при допросе подсудимых, потерпевших и свидетелей по уголовному делу позволяет достичь сокращения сроков судебного разбирательства, судебных расходов по обеспечению явки указанных участников процесса, оптимизировать межведомственное взаимодействие, повысить качество рассмотрения уголовных дел посредством получения показаний из первоисточников. Дистанционный метод допроса эффективен и при необходимости государственной защиты потерпевших и свидетелей в случае применения к ним насилия или угроз такого насилия, поскольку допрашиваемое лицо не вступает в непосредственный контакт с подсудимыми и их родственниками. М. В. Баранова отметила, что при наличии технической возможности видео-конференц-связь необходимо использовать и на стадии предварительного расследования, что целесообразно отразить в соответствующих статьях (ст. 188–191) УПК РФ.

Традиционным аргументом против использования режима видео-конференц-связи в уголовном процессе выступает возможность так называемой «диктовки показаний за кадром», отсутствие прямого психологического контакта с допрашиваемым. По мнению М. А. Барановой, первый из указанных негативных моментов можно нейтрализовать путем оборудования помещений стационарными видеокамерами, охватывающими достаточно большую его площадь, а не отдельную часть. Таким образом все участники допроса будут иметь возможность наблюдать не только за самим допрашиваемым, но и за окружающей обстановкой.

Что касается сложностей в установлении психологического контакта с допрашиваемым, то он в большей степени актуален для допроса подозреваемого (обвиняемого), в связи с чем допрос указанных лиц с использованием видео-конференц-связи необходимо проводить в исключительных случаях (болезни, командировки, нахождения за пределами России, отбытия наказания по другому преступлению и т. д.).

Разграничению преступлений и проступков был посвящен научный доклад **С. Ю. Бытко** — кандидата юридических наук, доцента, доцента кафедры уголовного права и процесса Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России). В теории уголовного права известна всего одна теоретическая работа, в которой предлагается однозначный критерий отнесения тех или иных деяний к преступлениям или проступкам¹. По мнению ее автора, Н. Г. Иванова, уголовно-правовому запрету подлежат лишь посягательства против абсолютных ценностей — человека и его прав и свобод. Несмотря на плодотворность идеи Н. Г. Иванова, из его работы не совсем ясно, как следует разграничивать преступления и малозначительные деяния. С. Ю. Бытко предложил участникам конференции следующее решение этого вопроса:

— к проступкам следует относить все посягательства на относительные ценности (впрочем, возможны исключения, связанные с особыми политическими соображениями);

¹ См.: *Иванов Н. Г.* Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М., 2016.

— к проступкам следует относить также и посягательства на абсолютные ценности, связанные с причинением незначительного вреда (в случаях, когда такой вред поддается исчислению). При этом повторение подобных проступков, обусловленное неэффективностью административных санкций, является основанием для их уголовно-правового запрета.

Все прочие посягательства на абсолютные ценности, совершенные путем насилия, обмана или вторжения (понимаемые в соответствии с разъяснениями Н. Г. Иванова) подлежат криминализации.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского **В. Г. Громов** посвятил свой доклад объектам медиации в исправительных учреждениях. Как известно, под процедурой медиации понимается способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения¹. Однако многие ученые считают, что, несмотря на гражданско-правовую направленность процедуры медиации, этот метод вполне применим и при разрешении конфликтов между осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях². Решая вопрос о применении медиации при урегулировании конфликтов среди осужденных, необходимо определить, в какой отрасли права происходит столкновение интересов.

Проведенное В. Г. Громовым исследование в одной из исправительных колоний показало, что основные причины конфликтов в среде осужденных возникают на бытовой основе (81 %), из-за внезапно возникших неприязненных отношений (37,5 %), из зависти (12,5 %) или из-за длительных неприязненных отношений (12,5 %)³. Анализ причин конфликтов показывает, что практически все они лежат в сфере бытовых (гражданско-правовых) отношений или вообще возникают на сугубо эмоциональной почве. Конфликт в исправительных учреждениях между осужденными может возникнуть по любой причине: взял без спроса чай, надел чужие ботинки, не возвратил карточный долг, не поделился передачей или просто неудачно пошутил. Это позволяет говорить о том, что они в большинстве случаев подпадают под сферу действия медиативных процедур.

Соответственно объектом правоотношений в процедуре медиации между осужденными будут выступать:

а) сам конфликт как существующее объективно противоречие, столкновение интересов и взглядов;

б) общественные отношения, складывающиеся между осужденными во время отбывания наказания (субъективные права и законные интересы осужденных, по поводу которых между сторонами возник спор, конфликт).

Предметом медиативной процедуры являются вещи, материальные и нематериальные блага, послужившие «яблоком раздора», из-за которых стороны не могут самостоятельно прийти к обоюдному согласию. Как отметил докладчик,

¹ См.: Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

² См.: Громов В. Г., Каргина А. С. Медиация в уголовно-исполнительной системе и правовая культура осужденных // Правовая культура. 2016. № 4. С. 82–89.

³ Если общая сумма всех ответов превышает 100 %, значит, респонденты-осужденные выбрали сразу несколько вариантов ответов.

необходимо различать объект и предмет конфликта и, соответственно, объект и предмет медиации, чтобы достичь большего эффекта от проводимых процедур. Иначе прилагаемые усилия по урегулированию конфликта, напротив, могут привести к его дальнейшему развитию и негативным последствиям.

Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского **А. И. Гришин** в своем выступлении обратил внимание на то, что несовершенство уголовно-процессуального законодательства отрицательно сказывается на защите прав и законных интересов личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство. В частности, к числу проблемных аспектов доказывания он относит производство отдельных следственных и иных процессуальных действий, которые в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ используются для собирания доказательств. Разграничение следственных и иных процессуальных действий, как известно, основывается на принятом в уголовно-процессуальном праве понимании следственных действий как разновидностей процессуальных действий, непосредственно направленных на собирание доказательств. При этом в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует перечень следственных действий и иных процессуальных действий, используемых в доказывании. Подобное обстоятельство исключает единый подход к соответствующим системам средств доказывания и отрицательно сказывается на реализации конституционного принципа презумпции невиновности. Так, отсутствие нормативного закрепления средств доказывания в ряде случаев позволяет заинтересованным лицам воспользоваться требованием ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ч. 1 ст. 75 УПК РФ о признании отдельных доказательств недопустимыми как полученными с нарушением закона.

Толкование содержания глав 24–27 УПК РФ позволяет рассматривать отдельные следственные действия в качестве комплексных, допускающих использование первичной информации об обстоятельствах совершенного преступления в качестве доказательства после ее процессуального оформления. Прежде всего, обращает на себя внимание такое процессуальное следственное действие, как контроль и запись телефонных и иных переговоров. В соответствии с ч. 4 ст. 186 УПК РФ постановление о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров направляется следователем для исполнения в соответствующий орган. Однако в законе ничего не говорится об органах, осуществляющих непосредственное прослушивание и запись таких переговоров, отсутствуют в нем и гарантии достоверности содержащейся в фонограмме информации.

По мнению выступающего, требует разрешения и имеющее место противоречие между ст. 29 УПК РФ и Федеральным законом от 06.07.2016 № 374-ФЗ, в соответствии с которым получение компьютерной информации относится к мероприятиям, ограничивающим конституционные права человека и гражданина, и допускается на основании судебного решения. В то же время ни в ч. 2 ст. 29, ни в ч. 3.1 ст. 182 УПК РФ, регламентирующих порядок выемки электронных носителей информации, получение судебного решения для ее изъятия не требуется. Представляется логичным дополнение названных уголовно-процессуальных норм, а также ч. 1 ст. 165 УПК РФ указанием о необходимости получения судебного решения и на выемку следователем (дознавателем) компьютерной информации как разновидности электронных

носителей информации. В случаях, когда решение о процессуальном изъятии компьютерной информации принимается при проведении иного следственного действия, не требующего судебного решения, должны применяться положения ч. 5 ст. 165 УПК РФ в части уведомления суда об изъятии такой информации.

Н. А. Крайнова, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета посвятила свой доклад тенденциям уголовной политики в сфере предупреждения рецидивной преступности. Деятельность государства в данной сфере должна быть системной, должна основываться на взаимодействии с обществом и строиться на четко сформулированных принципах и осуществляться в соответствии с разработанными стратегическими направлениями. Такую возможность дает выработанная государством уголовная политика, которая включает в себя в качестве составных частей политику уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, криминологическую и постпенитенциарную. Н. А. Крайнова отметила, что уголовная политика в сфере предупреждения рецидивной преступности в настоящее время не относится к числу приоритетных направлений уголовной политики в целом. Предупреждение преступности осуществляется по отношению к конкретным видам преступлений, без учета необходимости комплексного воздействия. Так, например, Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ были дополнены квалифицирующими признаками, предусматривающими усиление ответственности в случае совершения преступления лицом, имеющим судимость.

Докладчик акцентировала внимание участников конференции на том, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, ничего не говорится о совершенствовании системы противодействия рецидивной преступности, которая представляет немалую угрозу национальной безопасности.

Н. А. Крайнова отметила, что к основным тенденциям уголовной политики в сфере предупреждения рецидивной преступности следует отнести отсутствие взаимосвязи между уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, криминологической и постпенитенциарной составляющими. Изменение уголовного законодательства не подкрепляется соответствующими изменениями в иных сферах. Так, до сих пор не разработан и не принят на федеральном уровне нормативный правовой акт, регламентирующий деятельность по предупреждению преступности, в том числе регулирующий решение вопросов о социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Решение данных вопросов отдано на откуп субъектов Российской Федерации, что, по вполне понятным причинам, не способствует единообразию правоприменительной практики.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) **О. Л. Крайнева** отметила, что укрывательство потерпевшего при торговле людьми может осуществляться не только путем физического сокрытия потерпевшего, но и путем совершения иных действий, которые затрудняют поиск потерпевшего, в том числе путем введения сильнодействующих веществ, подавляющих сопротивление потерпевшего¹. При этом возникает вопрос о квалификации таких

¹ См.: Кибальник А., Соломенко И. Новые преступления против личной свободы // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 44.

действий преступников. Учитывая позицию Верховного Суда РФ по поводу квалификации иных преступных деяний, при которых в организм потерпевшего вводятся различные вещества для облегчения их совершения¹, при квалификации использования сильнодействующих веществ для подавления воли потерпевших при торговле людьми надо руководствоваться следующими правилами:

1) если при торговле людьми потерпевшему вводится для подавления его сопротивления сильнодействующее (или какое-то иное) и не опасное для жизни или здоровья вещество, то содеянное надо квалифицировать по п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ (данный пункт полностью охватывает применение насилия, не опасного для жизни и здоровья;

2) если в процессе совершения деяний, предусмотренных в ч. 1 ст. 127.1 УК РФ, потерпевшему вводится в целях подавления его физической и психической активности вещество, опасное для жизни или здоровья, то возможны три варианта квалификации содеянного: а) в случае отсутствия последствий в результате введения данного вещества, но по признаку опасности такого насилия в момент применения, а также при причинении потерпевшему легкого или средней тяжести вреда здоровью — по п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ; б) в случае причинения тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшему по неосторожности — по п. «а» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ; 3) при умышленном причинении смерти потерпевшему в результате применения таких веществ — по совокупности ст. 127.1 и ст. 105 УК РФ (естественно, по соответствующим частям ст. 127.1 и ст. 105 УК РФ, если имеются иные квалифицирующие признаки).

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, административного права и процесса Горно-Алтайского государственного университета **Е. П. Сергун** представил доклад на тему «Социальная группа» в контексте диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ. Диспозиции ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», по мнению докладчика, присущ ряд юридико-технических погрешностей. Существенные затруднения вызывает трактовка законодательной формулировки «...а равно принадлежности к какой-либо социальной группе», имеющей место в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ. В данном случае неопределенным является понятие «социальная группа» — преимущественно социологическая категория. По мнению Е. А. Редькиной, «в уголовном праве термины, заимствованные из других наук, наполняются новым содержанием, нередко не совпадающим с разработанным наукой теоретическим понятием. Это может вызвать сложности в реализации уголовно-правовых норм в судебно-следственной практике². Однако, как справедливо утверждают А. Р. Ратинов, М. В. Кроз, Н. А. Ратинова, в социологии существуют различные мнения относительно широты дефиниции данного понятия, а также его соотношения со смежными категориями, такими, например, как «социальная общность», «класс», «социальный строй», «прослойка», «страта», «этнос», «нация», «коллектив» и др.³ В связи с этим попытка его «адаптированной» к уголовному праву интерпретации вызывает у юристов

¹ См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (в ред. от 24.05.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2; 2016. № 7.

² См.: Редькина Е. А. К вопросу об уголовно-правовом понятии «социальная группа» // Всероссийский криминологический журнал. 2008. № 2. С. 36–40.

³ См.: Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика. М., 2005. С. 76–77.

массу вопросов, в частности: «Что надлежит понимать под “социальной группой”?»», «Кто должен входить в ее состав?»», «По каким признакам социальные группы должны дифференцироваться?»», «Могут ли такими критериями выступать, к примеру, пол (особенно подразумевая представителей таких идеологических течений, как феминизм и маскулизм), профессиональная принадлежность (полицейские и иные сотрудники правоохранительных органов, “плохие” полицейские — “менты”, “мусора”; предприниматели, наемные рабочие и др.), причастность к субкультурным сообществам и “неформальным” движениям (которых множество: хипстеры, байкеры, эмо, рэперы, рокеры и др., а также спорные на предмет отнесения к социальным группам относительно самостоятельные объединения людей по общим интересам: вегетарианцы, чайлдфри и др.), уровень материального благосостояния (олигархи, средний класс, пенсионеры, банковские должники и др.), исповедание конкретного религиозного, оккультного либо эзотерического учения и т. д.»¹.

В судебной лингвистике негативное юридическое последствие экспертных расхождений в видении феномена «социальная группа» лаконично описал К. И. Бринев: при разрешении вопроса о том, что такое социальная группа, мы «сдвигаем» проблему не в сторону установления фактов, а в сторону содержания словосочетания «социальная группа», иными словами, в сторону толкования конкретной нормы. При таком подходе эксперт осуществляет юридическую квалификацию фактов в том смысле, что предикат «быть социальной группой» становится основой принятия юридического решения. Если милиционеры — социальная группа, и относительно них сказано «Убивай!», то совершено преступление по ст. 282, если милиционеры — не социальная группа, и относительно них сказано «Убивай!», то преступления по данной статье нет. Таким образом, эксперт начинает решать проблемы толкования права, имеющие правоприменительные последствия².

В результате российское научное сообщество, как отметил Е. П. Сергун, разделилось на два оппозиционных лагеря: одни усматривают возможность устранения спорных моментов квалификации деяния через совершенствование законодательной базы и судебно-экспертной деятельности, например, путем разработки единого судебно-экспертного подхода к констатации признаков социальной группы³, другие обосновывают необходимость исключения рассматриваемой формулировки из уголовного закона⁴. Мнение докладчика сводится к целесообразности концептуального пересмотра анализируемого уголовно-правового запрета со сменой его отраслевой принадлежности.

А. Б. Смушкин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста

¹ См., напр.: *Васильева Я. Ю.* К вопросу о понятии «социальная группа» при квалификации экстремистских преступлений // Новое слово в науке: перспективы развития. 2014. № 1. С. 314–316.

² См.: *Бринев К. И.* Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «социальная группа» // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2012. № 2. С. 117–123.

³ См., напр.: *Калинина А. Н., Коротенкова Е. А., Магомедов И. А.* Понятие «социальная группа» в антиэкстремистском законодательстве и практика его определения судебными экспертами и судьями // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2015. № 1. С. 146–152.

⁴ См., напр.: *Батанов А. Н.* Понятие «социальная группа» и его уголовно-правовое значение // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10, ч. 1. С. 28–31.

России) посвятил научный доклад изменению внешности как одной из мер обеспечения безопасности. Предусмотренная мера безопасности включает в себя проведение пластических операций и изменение внешности с помощью наложения грима. Пластические операции проводятся только с согласия защищаемого лица. Орган, осуществляющий защиту свидетеля, должен подобрать соответствующее медицинское учреждение, в котором будет проведена пластическая операция, и от своего имени заключить договор на оказание медицинских услуг. Правоохранительные органы должны осуществлять негласный контроль за данным учреждением и защищаемым лицом. В большинстве случаев полного изменения внешности человека не требуется. В процессе пластической операции могут быть изменены лишь те признаки, которые явно бросаются в глаза¹.

Проблемы реализации этой меры заключаются в том, что она применима только в совокупности с другими, а это затрата большего количества времени и финансов. После изменения внешности защищаемому лицу необходимо произвести замену документов и сменить место жительства. По большому счету, в данном случае можно говорить о создании новой личности. Тактические уловки исполнительных органов заключаются в инсценировке смерти свидетеля, процедуры его опознания в морге, получении свидетельства о смерти. Все вышеперечисленное решает вопрос о ликвидации угрозы свидетелю путем введения в заблуждение преступников. Однако, что касается юридических тонкостей, то законодательно данный вопрос пока не решен.

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Московского университета им. С. Ю. Витте **И. А. Уварова** представила в научном докладе результаты мониторинга наркоситуации в г. Москве и Московской области за 2016 г. Наиболее острой и актуальной проблемой в сфере борьбы с преступностью в России является проблема противодействия незаконному обороту наркотических средств. Уровень непрерывного роста наркомании в стране ставит под угрозу физическое и моральное здоровье молодежи и будущее значительной ее части.

В соответствии с данными, полученными в Главном управлении по контролю за оборотом наркотиков МВД России, за последние 5–7 лет число лиц, страдающих наркоманией, составило более 6 млн человек, а по данным Минздрава России, за 2016 г. зарегистрировано более 500 тыс. человек, которые потребляют наркотические средства не по медицинским показаниям, в их числе более 320 тыс. человек с диагнозом «зависимость от наркотиков». За последние три года смертность детей от потребления наркотических средств увеличилась в 12 раз. По данным Московского областного наркологического диспансера, на конец 2016 г. на учете в органах здравоохранения Московской области за потребление наркотических средств в немедицинских целях состояло 23 776 лиц, из которых 640 являются несовершеннолетними. Значительно превышен среднеобластной уровень заболеваемости наркоманией в городских округах Орехово-Зуево – 876,2 и Домодедово – 506,3, в г. Ногинске – 462,3, г. Королеве – 491,6, г. Химки – 351. Самый низкий уровень в Лотошинском – 27,3, Ступинском – 57,1, Волоколамском – 58,9 муниципальных районах, городских округах Бронницы – 86,5 и Ивантеевка – 104,2.

¹ См.: Кобцова Т. С., Кобцов П. В., Смушкин А. Б. Комментарий к Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (постатейный) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1215> (дата обращения: 08.03.2013).

По данным отчета Бюро судебно-медицинской экспертизы, в 2016 г. на территории Московской области зарегистрировано 2302 случая смертельных исходов от передозировки наркотиков. Одной из основных причин распространения наркотических средств среди населения является их легкая доступность, а также деятельность организованных преступных групп по расширению круга потребителей наркотических средств в целях увеличения преступных доходов.

В отчетном периоде сотрудниками правоохранительных органов раскрыто 6137 наркопреступлений, не раскрыто — 5261. В суды переданы уголовные дела по обвинению 5773 лиц, обвиняемых в совершении наркопреступлений, из которых 2721 — моложе 35 лет, в том числе 61 несовершеннолетний¹.

Таким образом, анализ следственной и судебной практики свидетельствует о недостаточной эффективности используемых в настоящее время форм и методов противодействия наркопреступлениям. На современном этапе развития общества и государства наркомания выходит на новый уровень, поэтому, по мнению И. А. Уваровой, необходимо разработать новые, более эффективные механизмы решения данной проблемы, способствующие защите личности и, прежде всего, подрастающего поколения.

А. А. Усачев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) представил доклад на тему «К вопросу о защите прав лиц, пострадавших от преступления». Конституция РФ закрепила обязанность государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2). В сфере уголовного судопроизводства реализация этой обязанности, как представляется, должна осуществляться, в том числе, в направлении более полной регламентации процессуального статуса участников досудебного производства в уголовном процессе.

Участников досудебного производства можно разделить на тех, чей процессуальный статус определен в соответствующих статьях раздела II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства» (например, следователь, специалист и т. д.), и тех, чей процессуальный статус не определен. Так, не определен процессуальный статус заявителя о преступлении, в том числе явившегося с повинной; очевидцев происшествия и иных лиц, у которых отбираются объяснения. При этом лица, пострадавшие от преступления, могут выступать в роли как заявителя о преступлении, так и лица, у которого отбираются объяснения.

В связи с тем, что круг лиц, фактически участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, шире, чем круг участников судопроизводства, указанных в уголовно-процессуальном законе, П. Г. Марфицин еще в 1993 году справедливо предлагал дифференцированно, нормативно закрепить субъективные права и обязанности фактических участников предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях (право знать о принятом решении; знакомиться с материалами предварительной проверки и получать копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; заявлять ходатайства; обжаловать действия и решения должностных лиц, осуществляющих проверку; заявлять отводы; представлять дополнительные данные; иметь представителя и пользоваться услугами переводчика; не давать компрометирующие себя сведения)².

¹ По данным отчета формы 5 Лиц и 8-УД Управления по МВД России по Московской области за 2016 г.

² См.: *Марфицин П. Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 10–12.

Принимая во внимание данное предложение, представляется целесообразным внести соответствующие дополнения в УПК РФ, закрепив права, обязанности и ответственность лиц, пострадавших от преступления, на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии **А. Е. Федюнин** обратил внимание участников конференции на особенности выявления, документирования и раскрытия коррупционных преступлений. Исследование вопросов предупреждения, выявления документирования преступлений, предусмотренных ст. 290, 291 УК РФ, показывает, что данная деятельность представляет собой комплекс организационных, оперативно-розыскных и иных мероприятий, осуществляемых с использованием специальных сил и средств, направленных на профилактику подготавливаемых и предотвращение (пресечение) совершаемых преступлений. Причем профилактика преступлений классифицируется на общую и индивидуальную. Изучение практики борьбы с рассматриваемыми видами преступлений позволяет предложить методику их документирования, включающую три основных этапа: 1) получение и проверка информации о факте взятничества. Планируемая работа с заявителем; 2) проведение оперативно-розыскных и оперативно-поисковых мероприятий по выявлению и документированию преступных действий лиц, подозреваемых во взятничестве; 3) оперативно-розыскные мероприятия по задержанию коррумпированных должностных лиц. На каждом из этих этапов необходимо осуществлять непрерывное и интенсивное документирование преступных действий подозреваемых лиц.

При осуществлении указанной деятельности недопустимы провокация взятки либо коммерческого подкупа, которые должны быть законодательно разграничены с оперативным экспериментом. Для этого предлагается введение в законодательство понятия провокации, под которой следует понимать организованное воздействие со стороны правоохранительных органов на отдельных лиц или группу с целью склонения их к совершению преступных деяний путем убеждения, обучения и вовлечения в преступную деятельность, при условии, что данные лица ранее не имели сформировавшегося умысла на совершение преступления.

Исследование соотношения оперативного эксперимента и провокации позволяет сделать вывод о том, что при проведении оперативного эксперимента инициатива по совершению преступления должна исходить только от проверяемого (разрабатываемого) лица, а не от оперативных сотрудников. В противном случае побуждение к преступным действиям или вовлечение лица в совершение преступления с целью его дальнейшего разоблачения, если у такого лица отсутствовал умысел на совершение преступления, является провокацией преступления.

Материал подготовила заведующий кафедрой уголовного права и процесса Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, кандидат юридических наук, доцент Н. М. Перетьяко